

Н. Ю. Зуева

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ

В.В. Виноградов в работе, посвященной проблемам русской стилистики, писал: «Вникая в правила функционально-речевой экспрессивно-смысловой дифференции разных элементов современного русского языка, в закономерности синонимических связей и отношений форм, слов, выражений и синтаксических конструкций, легко заметить, что и характер, и степень такой дифференциации неодинаковы и неоднородны в разных сторонах языках. Наиболее разной и дифференцированной по оттенкам значений, по экспрессивным качествам выражений, по характеру стилистических ограничений, наиболее богатой синонимами является лексика» [1, 15].

Исходя из сказанного, можно отметить, что лексика современного русского языка в ее синхронии обладает неоднородностью и большим стилистическим разнообразием. Одни слова носят общеупотребительный характер, другие используются в определенном языковом контексте, в определенной речевой ситуации. Основная масса лексических единиц чаще всего используется для создания экспрессивности, а составляют ее полнозначные номинативные знаки, обладающие глубокой, объемной семантической структурой и значительными семантическими потенциями.

«Стилистическое лицо» слова в языке, в слове и в речи может не совпадать. Следовательно, стилистические особенности слов по-разному функционируют в языке и в речи. При стилистической оценке лексики важнейшими являются два критерия:

1) принадлежность слова к одному из функциональных стилей русского языка;

2) эмоциональная окраска слова, его экспрессивные возможности [2, 98].

Изучение вопроса лексических средств языка имеет большую историю, основывается на трудах лучших лингвистов: В.В. Виноградова, Д.Н. Шмелева, С.И. Ожегова, А.А. Шахматова, Л.В. Щербы и др.

Это связано скорее всего с тем, что именно в лексике значительно ярче выражается эмоционально-экспрессивная окраска, в отличие от морфологии и синтаксиса. Именно лексика является самым подвижным и изменчивым

уровнем языка. Но постоянное использование слов в языке приводит к формированию системы речевых, языковых средств, которые находятся в той или иной сфере человеческого общения, а это формирует функциональную закрепленность слова.

Наблюдение над языком показывает, что проблематика стиля и его изучение – задача двойственная, так как существуют принципиально разные точки зрения на свойства языка и речи – это экспрессивность и функциональность. В этом плане показателен опыт и теория Ш. Балли.

Как мы знаем, под стилистикой Ш. Балли понимал науку об экспрессивных (аффективных) свойствах языка [3, 114].

Его метод исследования для выявления аффективности состоял в так называемой идентификации, что привело к необходимости различать в характере языковых единиц два вида, противопоставленных друг другу. Один из них он назвал естественным природным, а другой – ассоциативным, репрезентативным. С его точки зрения, в первом случае существенно, что «неотъемлемость эмоциональной окраски слова от его значения» [3, 238] – это своего рода связь единиц языка с мыслительным процессом, она позволит выразить экспрессивные оттенки мысли (чувства) адекватностью формы и содержания. Имеется в виду, что форма сама по себе способна соответствовать определенной понятийной категории. Что может быть и не бесспорно.

Во втором случае Ш. Балли говорит о способности слова (словосочетания, выражения) вызывать представление о тех или иных формах жизни и деятельности, характерных для разных социальных групп с их разными обстоятельствами словоупотребления [3, 238].

Ш. Балли для иллюстрации своих рассуждений сопоставляет два слова – *ворчун* и *бука*, он говорит, что в одном случае эмоциональная окраска присуща самой идее – *бука*, а в другом – *ворчун* – создается характером употребления, фамильярностью, ассоциирующейся с определенной социальной средой и условиями речи.

По теории Ш. Балли, стилистически окрашенные единицы рассматриваются в сфере

функционального употребления, где есть непрерывное существование двух названных им эффектов, что сам он и отмечает.

Рассматривая данные вопросы из теории Ш. Балли, с достаточной определенностью это положение подтверждается и с лексико-семантической точки зрения: «Слова, в одном значении которых заключается определенная экспрессивная оценка называемого явления, часто оказываются одновременно стилистически (функционально-стилистически) окрашенными, т.е. связанными с определенными условиями речевого общения. Например, *болтать*, *миндальничать*, *хлипкий*, *всезнайка* и другие подобные не только выражают определенное отношение к называемому, но и сигнализируют об определенном стиле речи. Слова же с определенной стилистической значимостью легко приобретают эмоционально-оценочные оттенки. Ср. архаизмы из «высокой» книжной лексики: *лицезреть*, *шестьствовать* и т.д. [3, 253].

Из данных наблюдений над словами можно сделать вывод о том, что экспрессия и функция находятся в прямой постоянной взаимозависимости, особенно в реальном употреблении. Эмоциональную окраску единицы языка получают наиболее полно в словах, когда есть функциональная прикрепленность к различным сферам общения человека, к разным ситуациям как в тексте, так и в речевой ситуации.

Исследователи постоянно ведут диалоги о взаимообусловленности экспрессии и функции слова, о противопоставлении экспрессии и стилистической роли слова. Они склонны считать, что в слове заключена стилистическая потенция, «экспрессивно-оценочная» и «естественно-стилистическая», которые оказываются как бы разными свойствами слова. Иногда эти свойства совмещаются, иногда исключают одно другое. Многие склонны считать, что лексические средства языка дают значительно больше эмоционально-экспрессивной оценки и меньше функциональной. Генетически слову присуща и закреплена за ним экспрессивная окраска, которая становится неотделимой от значения слова.

«...Слова перестают быть противопоставленными друг другу в плане стилистических разграничений, стилистическая же окраска в ряде случаев становится экспрессивно-оценочным элементом их семантики», – писал Т.Г. Винокур [4, 13].

В дальнейшем рассуждении Т.Г. Винокура об экспрессивности лексических единиц говорится: «Наряду с объективной структурой языкового знака, передающего идею, в языке

существует и своеобразное субъективное дополнение к этой структуре» [4, 14]. Данный вывод говорит о том, что в словах присутствует наряду с денотативным значением – коннотативное.

Многие ученые такую коннотацию называют стилистической коннотацией. Под денотативным значением принято понимать предметное значение, характеризующее связь лексической единицы с обозначаемым объектом, определенную ее направленность на него.

Денотат – как ориентир языковой единицы, который актуализирует значение: от основного, первичного, до вторичного, частного, контекстуального. Ср.: *лес* – *деревья*, стоящие во множестве; пространство, обильно заросшее деревьями: *густой лес*, *сосновый лес* и др. и *лес вышек* (*штыков*, *матч*) – где первичной номинацией является «множество». Здесь всегда уместен вопрос: что обозначает слово (в данном случае, в данной ситуации)?

Что же касается стилистической коннотации, то можно сказать, она предстает перед нами в языковой действительности как постоянный признак значимой единицы языка, и это может явиться достаточным основанием для того, чтобы говорить о ее стилистическом значении наряду с лексическим и грамматическим (которые всегда присутствуют в слове).

В широком смысле коннотативное значение дополняет предметно-понятийное содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию.

Коннотация рассматривается как оценочная, эмоциональная или стилистическая окраска языковой единицы узуального (закрепленного в системе языка) или окказионального характера.

Коннотация может быть вторичной номинацией, которая дополняет объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе внутренней формы наименования.

Данное значение выступает как основание эмоциональной оценки (эмотивности) и стилистической маркированности, связывая воедино денотативное и коннотативное содержание языковой единицы.

Последнее, на наш взгляд, придает всему слову «суммарную» экспрессивную окраску, в которой может доминировать качество (ср.: *губошлеп*, *драндулет*, *простофиля*, *домище* и т.д.) или количество (ср.: *уйма народу*, *превеликое множество*, *толпа* и т.д.).

Исследователь Д.Н. Шмелев [5, 53] считает, что лексическое значение слова – это «остаток», получившийся в результате выделения грам-

матических и экспрессивно-стилистических моментов. Поэтому есть основание утверждать, что слово обладает стилистическим значением, а значит стилистической коннотацией. Общая семантика слова включает в себя стилистическое значение, которое может не совпадать с предметно-логическим, но благодаря этому в слове и создается возможность экспрессивности языковых единиц, создаются стилевые пласты.

Говоря о коннотации на уровне лексики, некоторые ученые ограничивают наличие постоянной стилистической коннотации в слове как реализованной лексеме, тогда как у самой лексемы стилистическая коннотация может отсутствовать. Явно же выраженные лексемы образуют так называемые стилемы. Экспрессивно окрашенные слова, их стилистическое значение формируется в предметно логическое различие в синонимичных ситуациях. Ср.: 1). *Она не пополнила, а потолстела.* 2). *Обнаженная, а не голая.*

3). – *Вы колдун, – сказала Таня.*

– *Не колдун, а волшебник.*

Следующим моментом при изучении лексики можно отметить следующее: эмоциональная окраска не является особенностью, неизменно присущей слову (или его значению), она является частью семантической структуры слова, получает стилистическую значимость в применении, употреблении, контексте, и наоборот, функционально стилистические свойства слова служат основанием для укрепления его эмоциональной окраски.

Слова, выполнявшие эмоционально-оценочные функции, могут их и утратить. Вместе с тем нейтральные слова могут перейти в разряд эмоционально-оценочных, эмоционально-экспрессивных.

Данные возможности лексического уровня можно рассмотреть на следующих примерах.

Цитатный материал свидетельствует, что раньше слова *красивость*, *выхвалить*, *картинно*, *плодовитость* функционировали как неэмоциональные и имели следующие значения: *выхвалять* – очень хвалить, выставлять на вид чьи-нибудь достоинства, *законник* – искусный толкователь законов или человек, строго соблюдающий законы, *картинный* – достойный изображения на картине, как бы с картины, *плодовитость* – способность легко и быстро создавать художественные или научные произведения.

При этом слово *красивость* по предметному содержанию совпадает со словом *красота*. Примеры неэмоциональных слов: *Я не знаю, можно ли достойно выхвалить этого редкого человека*

(Н. Гоголь, Письмо Высоцкому, 19 марта 1827 г.); *За мною на западе картинно рисовалась в необозримой дали гряда меловых гор* (И. Бунин, На Донце); *Я не признаю в нем большой творческой силы, но у него есть изящество, красивость в гармонии и вкус* (П. Чайковский, Письмо Н.Ф. Мекк, 26-27 ноября 1879 г.); *Надо уметь брать от природы, а не ждать, что она даст тебе... В первом высказывается плодовитость воображения, а в другом – бедность фантазии* (П. Антокольский, Письмо В.В. Стасу, 9 июня 1887 г.).

В настоящее время указанные слова стали более экспрессивны и приобрели эмоциональную оценочность, которая ощущается при использовании их в неясных текстах. Ср.: *Продавцы расхваливали свои товары -Продавцы выхваляли свои товары. Что посоветовал тебе этот знаток законов? - Что посоветовал тебе этот законник? Артистка стояла в живописной позе. — Артистка стояла в картинной позе. Я обратил внимание на чисто внешнюю красоту этого рассказа. — Я обратил внимание на красивость этого рассказа. Меня удивляет способность этого писателя легко и быстро писать рассказы. — Меня удивляет плодовитость этого писателя.*

В приведенных текстах слова *выхвалять*, *законник*, *картинный*, *красивость*, *плодовитость* в отличие от соотносительных с ними слов и оборотов, сообщают о насмешливом, пренебрежительном отношении говорящего соответствующим явлениям.

Все процессы, происходящие в лексике и ее значениях, объясняются тем, что эта система очень подвижна и изменчива, лексический массив, его значение изменяется как в диахронии, так и в синхронии.

1. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. – М., 1981. – С. 15.

2. Розенталь Д.Э. Современный русский язык. – М., 2002. – С. 98.

3. Балли Ш. Французская стилистика. – М.-Л. 1961. – С. 114, 238, 253.

4. Винокур Т.Г. О содержании некоторых стилистических понятий. – М.-Л., 1972. – С. 13, 14.

5. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.-Л., 1969. – С. 53.

Тілдік амалдардың ішінде эмоционалды-экспрессивті лексика ерекше орын алады, өйткені ол ғана барлық экспрессивті-импрессивті қасиеттерге ие. Бұл оған бағынқы тілдік амалдың қызметін атқаруға көмектеседі.

The emotionally-expressional lexicon occupies special position among language means as it possesses all ekspressivno-impresivnymi qualities. It to it allows to carry out function of dominating language means.